

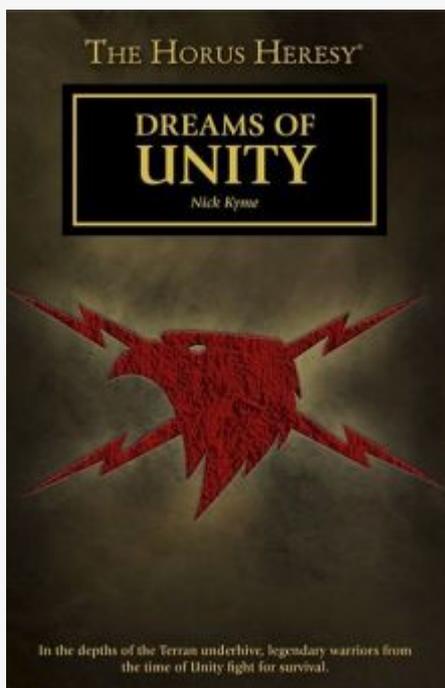
Грезы о Единстве / Dreams of Unity (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Грезы о Единстве / Dreams of Unity
(рассказ)

Автор	Ник Кайм / Nick Kyme
Переводчик	Ulf Voss
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора / Horus Heresy (серия)
Входит в сборник	Вестники Осады / Heralds of the Siege
Год издания	2017
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Мы - гром и молния,

что были Его первенцами,

а теперь среди последних.

Мы жили слишком долго,

и теперь жаждем только смерти,

Той единственной, что имеет значение –

Почетной Смерти

Дарен Херук, гимн Почетной Смерти

Когда я посмотрел на бой внизу, то понял, что Кабе собирается умереть. И я был бессилен что-либо сделать.

Он не сдастся. Кабе заревел, но сломанная челюсть исказила его непокорный выкрик. Человека, пытающегося убить его, это не испугало. Даже когда Кабе плюнул кровью на его доспех, облаченный в золото воин не отреагировал.

Вместо этого он направил копьё на Кабе, а тот приготовил фальшион. Лезвие клинка превратилось в пилу, зазубрившись от многократных безрезультатных ударов по броне другого воина. Кабе не умел проигрывать. В своей жизни он никогда не отступал. Даже когда олигархи Киевской Руси воспользовались атомным оружием из своей черной цитадели, залив тундру Сибири радиоактивным пламенем, Кабе наступал. Он сражался без передышки во время осады Абиссны и прошел всю Альбию, чтобы поставить на колени воинские кланы Гот Грендаля.

- За Единство! – заревел Кабе и поднял сломанный меч.

Он атаковал, но левая нога подвела его и он поскользнулся. Тело оказалось не настолько неуступчивым, как разум.

Кабе остановился, когда копьё с лёгкостью пронзило его броню и тело. Древко копья засело в кишках, а листообразное лезвие прошло насквозь и вышло из спины. Он на мгновение замер, безмолвно моргая, после чего воин в золотом ударе ноги опрокинул его на землю. В воздухе повисла тишина, вызванная шоком и неверием.

Затем толпа заревела. Арену залил свет. Холодное и резкое натриевое свечение отбрасывало зловещие тени на неглубокую яму из песка и раздавленных костей.

Из-под тела все еще живого Кабе растеклась кровь. Он дрожал, раскрыв рот и пытаясь глотать воздух, словно выброшенная на землю рыба.

- Проклятье, – пробормотал Тарригата. – Это конец.

Стоявший рядом старик вдруг показался хрупким. Возможно, из-за денег, который он потерял, поставив на Кабе, или, может быть, из-за того, что его людус только что потерял еще одного бойца. Некогда красивая одежда в последнее время стала выглядеть немного износившейся.

Наклонившись к ограждению арены, я искоса взглянул на него, не обращая внимания на толкающихся вокруг людей. Я увидел достаточно печали на лице Тарригаты, чтобы догадаться, что его заметная слабость была вызвана чем-то более серьезным, нежели ударом по постоянно уменьшающимся доходам.

В эти дни на бои приходило все меньше и меньше зрителей. Их умы занимали другие заботы: война, убийства и беспорядки. Для остальных арена была способом забыться.

Воин в золотом, покрутив копьем, направился к Кабе, готовясь пронзить его.

Толпа заревела громче в предвкушении убийства.

- Херук, все кончено? - спросил Тарригата, и я почувствовал на своей обнаженной руке легкое прикосновение его тонких пальцев. - Я все еще слышу их вопли. Это конец? Хроногладиатор еще не прикончил его?

- Стой здесь, - сказал я и почувствовал, как пальцы Тарригаты отступили. Я перемахнул через металлическую ограду и спрыгнул на арену, разметав при приземлении песок.

Несколько зрителей заметили меня и начали скандировать. Я услышал свое имя и почувствовал холодок пустой славы. Битва у горы Арарат была славной. Тогда Арик Таранис поднял Знамя Молнии и объявил о Единстве. Вот что было славным. А это была уличная слава. Без всякой чести.

Копье воина в золотом ударило, прежде чем он понял, что в кругу появился еще один боец. Кабе закричал, листообразное лезвие вонзилось в его бедро. Второй укол пронзил плечо и вызвал еще один крик.

- Если ты собираешься убить его, то убивай, - прорычал я, свирепо глядя на спину огромного воина.

Мы все уже достаточно вынесли. Это было излишним.

Толпа заревела громче, теперь их лица скрывала темнота, а меня все так же слепил свет натриевых ламп.

Мое зрение было лучше, чем у Тарригаты, но не таким, как когда-то. Я дважды моргнул, пытаюсь избавиться от слепых пятен, когда воин повернулся. Хроногладиатор, перекаченный стимуляторами и защищенный золотой броней. Я видел пародию на Его Адептус Кустодес в этом чересчур раздутом бойце и не смог сдержать улыбку. Здесь, в Утробе, мы были далеки от света Трона, но все еще находили возможность посмеяться вопреки своим невздам.

Часы смерти на лбу воина повернулись. Его хозяин Радик Клев должен быть поблизости и ждать с ключом. Победа хроно даст ему еще один поворот ключа в часах смерти. Больше жизни за больше жизней. За это и дрался хроно. Я же сражался только ради остатков чести. Чем она была против попытки увековечить чье-то существование?

Противник повернул копье, изменив хватку на неоправданно сложную, и направил его на меня. Глаза хроно были налиты кровью, пронизывающие склеру вены говорили о безумии. По мере истечения времени каждый удар часов смерти становился все громче. Как сердцебиение. Хроногладиатор рывкнул на меня, скорее как зверь, чем человек. Брошенный вызов был низким и достаточно отмодулированным воксом, чтобы звучать как нечеловеческий. Но я ведь тоже был не совсем человеком.

Я оскалился с диким рыком, разжигая в себе старый инстинкт, и обнажил широкий меч. Мой палец нажал на кнопку активации расщепляющего поля. Оно опасно мигнуло раз, другой, а затем с резким щелчком заработало. В нос ударил запах жара и озона. Также ощущались масло и кровь, но они исходили от хроно. А также от истекающего кровью Кабе. Я видел, как он бессильно тянулся к сломанному фальшиону.

- Следовало просто убить его, - сказал я.

Хроно атаковал.

Я перекатился, взмахнув клинком за спиной. Толпа охнула, и я почувствовал, как копьё прошло в нескольких сантиметрах от головы. Вскочив, я сумел развернуться и увидеть копьё раньше, чем оно проткнуло меня. Поспешный блок отбил его в сторону, но мне повезло. А еще я был слишком медлителен.

Второй выпад почти выбил у меня меч, сила удара была настолько жуткой, что я отшатнулся. Я снова кувыркнулся, старые кости и уставшие мышцы начали работать. В этот раз я поднялся быстрее, оказавшись внутри защиты врага. Я рубанул по локтю хроно. Рана была неопасной, но его броня в том месте оказалась слабой и мой клинок вошел глубоко. Враг взвыл и ослабил хватку копьё. Сложно держать длинную и тяжелую штуку, когда твои сухожилия горят.

Он ударил древком наотмашь, и хотя я приготовился к ответному выпад, он все равно обжег, словно взрыв шоковой гранаты, и я растянулся на полу арены.

Толпа взорвалась одобрительными возгласами. Я проигнорировал их.

Мой затуманенный взгляд сфокусировался на враге.

Истекая маслом и кровью, хроно зашагал ко мне. Он держал копьё близко к телу, используя для его уравнивания вторую руку, и тем самым уменьшив досягаемость оружия. Гладиатор был в паре метров, собираясь сделать выпад, когда я метнул свой широкий клинок. Тот крутанулся в воздухе. Слегка изогнутое лезвие и утяжеленная рукоять усилили скорость броска. Меч попал в центр туловища хроногладиатора, пробив золотой нагрудник и перемолов то, что было под ним.

Противник ошеломленно замер, не опуская копьё, словно запись на пиктере резко поставили на паузу. Затем хроно рухнул на колени и выронил оружие. Подобрал меч Кабе, я шагнул к гладиатору и быстрым ударом отсек ему голову. Часы смерти пробили ноль, предвещая слабый сердечный толчок, который убил бы его на месте, не будь он уже обезглавлен.

Толпа обезумела от такого зрелища, вопя и брызжа чужой яростью. Я вынул из убитого свой клинок и опустил на колени возле Кабе, вернув ему его фальшион.

Я посмотрел на кровавую лужу и увидел в ней свое отражение. Высокий, с развитой мускулатурой, облаченный в кожаный полудоспех, я выглядел как воин. Говорили, что шрамы на лице придавали мне внушительности, а бритые светлые волосы выдавали военное прошлое. Помимо татуировки молнии на левом плече, мое тело не несло никаких знаков. В синих глазах еще сохранился блеск прежней энергии. Мне говорили, что по общепринятым стандартам я красавец. Тщеславие никогда не было моим проклятием. Я видел, как оно отражается на других - чужаках и врагах. Но оно никак не сказывалась на том, как они умирали. Смерть уродлива, и ей безразлична внешность.

- Брат... - обратился я, мягко вложив фальшион в руку Кабе. Казалось, он смирился, хотя рот все еще открывался в тщетной пародии на речь.

- В твоих легких кровь, Кабе. Не пытайся говорить. Успокойся. Уже почти все.

Он посмотрел на меня и страх в его глазах сменился чем-то похожим на покой.

Я прижал острие своего меча к его груди. Другой рукой коснулся выцветшей татуировки молнии на его

левом плече.

- Почетная смерть... - прошептал я. Кабе едва заметно кивнул. Я надавил и все кончилось.

Тарригата встретил меня на другой стороне арены. В ярком свете он выглядел исхудавшим, словно его кожа была полупрозрачной. Старик приняхался, когда я перелезал и наклонил голову в бок так, что его левое ухо повернулось ко мне.

- Это Кабе? Он воняет. Пахнет как мертвец.

Я наклонился, поморщившись из-за веса тела Кабе на моем правом плече.

- Прояви уважение к Громовому Легиону, - прошипел я сквозь сжатые зубы.

Несмотря на мое огромное превосходство в росте и весе, Тарригата выглядел невозмутимым.

- Тьфу! Вы теперь гладиаторы, Херук.

- Старик, клянусь я... - начал я.

- Сегодня клиентов меньше, - заметил Тарригата, отмахнувшись от моей пустой угрозы, словно та была надоедливой мухой, севшей ему на воротник. - Толпа тише.

- Всех меньше, - сказал я. - Даже великий Громовой Легион не может завлечь толпу, да?

- Некого завлекать, - сказал Тарригата. Он приняхался, его сморщенные старые ноздри раздулись. - В воздухе витает страх. Творятся темные дела.

Я фыркнул в ответ на эти слова, так как много раз слышал конспирологические теории Тарригаты.

- Кроме того, - продолжил старик с жестокой улыбкой на лице, - вы больше не Легион. Со времен Арарата.

- Он прав, Херук. Мы теперь никто. Всего лишь бойцы с арены, а Тарригата - наш господин.

- Мы больше этого, Вез, - возразил я, взглянув в глаза бородатого гиганта, остановившегося передо мной.

У Везулы Вульта было больше шрамов, чем у любого воина, которого я знал или убил. И он носил их с гордостью. Такой же крупный, как и я, он был на голову выше, торс и плечи образовывали перевернутый треугольник.

- В самом деле, Дан?

Я нахмурился.

- По крайней мере, мы живы. Вот, - я мягко опустил тело Кабе. - Помоги мне с ним.

Вокруг арены несколько человек из толпы задержались, чтобы мельком увидеть убитого гладиатора, но большинство уже начали расходиться. Обратно в Утробу, обратно к собственным невзгодам.

- Какое расточительство, - сплюнул Тарригата и постучал по кошельку, который носил на поясе. Он потряс его три раза, прислушиваясь.

- Он легок, - заметил я.

- Нет нужды говорить мне об этом! - огрызнулся Тарригата, резко обернувшись ко мне. Он ткнул морщинистым пальцем в пустые глазницы. - Может я и потерял свои глаза, но все еще многое вижу. Меня коснулся Он, - сказал он, указав на густой смог, затмивший наше небо. Я проследил за его глазами и увидел смутные формы статуй, нависавших подобно богам.

- Тебе, как астропату выжгли глаза, Тарригата, - напомнил я.

- Вот поэтому тебе стоит прислушаться, когда я говорю, что затеваются темные дела, даже здесь - в Утробе. Я *видел* их... с той стороны.

- И за тобой охотятся, как и за всеми нами, - добавил я.

Безобразная улыбка Тарригаты продемонстрировала его пожелтевшие зубы.

- Да, но ты ведь по-прежнему служишь, не так ли?

- Легион всегда служит, - ответил Везула изменившимся голосом и потянулся к топору на поясе.

Я схватил его руку.

- Стой, брат, - твердо сказал я ему. - Война закончилась.

Он смотрел затуманенным и немигающим взглядом сквозь меня на какое-то недавнее поле битвы

- Калаганн собрал армию в пустошах... - он боролся с моей хваткой и я надавил сильнее, мое старое кольцо Легиона впилося в его кожу. - Орды Урша падут в этот день!

Несколько людей в толпе обернулись, чтобы посмотреть на происходящее.

- Мясники Сибири сдадутся Императору!

- Уже сдались. Очень давно, - сказал я. - Приди в себя, Вез. Посмотри на меня. Посмотри на меня.

Он повернулся, моргнул и отпустил топор. А я отпустил его.

- Меня опять унесло? - спросил Вез.

Я кивнул.

- Куда в этот раз?

- Урш, сибирская тундра.

Везула опустил глаза, словно прикидывая, что означает в длительной перспективе эта новая потеря рассудка.

- Ты вернулся, брат? - спросил я. - Ты здесь и сейчас?

- Да... да.

Я почувствовал, как за моей спиной расслабился Тарригата, и услышал, как он отключил питание радиационного пистолета, который носил под одеждой. Старик ни разу не стрелял из него, и я задумался, какую дозу смертельной радиации из изношенных силовых катушек он получил. Так или иначе, он не расстанется с оружием. Разошлись последние из зрителей, по-видимому, разочарованные.

Сразу за окраинами арены располагался район трущоб. Он назывался Полосой и протянулся на много миль по территории Внешнего Дворца. Целое скопление разбитых кораблей, промышленных грузовых контейнеров, бронеплит и чего угодно, что падало из затянутого смогом неба. Жилище Тарригаты было самым большим в этом гетто и должно было производить впечатление. Как и его владелец, дом знал более удачные времена. Старик был королем нищих, стремительно вернувшимся в положение обычного нищего.

- Поднимите его, - сказал Тарригата, имея в виду труп Кабе, - возьмите то, что вам пригодится, и сожгите остальное. Мне не нужны здесь падальщики.

Он повернулся, снова прислушиваясь и принимаясь.

- И фрек подери, где Гайрок? Я уже должен почувствовать вонь неочищенного алкоголя.

Снаружи гранитного крыльца под навесом находилась тяжелая деревянная плита. Дерево было редкостью, особенно в Полосе. Тарригата использовал ее в качестве стола для вскрытия. Он говорил, что дерево впитывает кровь, что оно и делало. Плита была покрыта темными пятнами, как пятнистый шпон.

Я с Везулой положил на нее тело Кабе.

- До следующего боя еще несколько часов, - сказал я, вынимая пилы и другие хирургические инструменты из решетчатой стойки, расположенной рядом с плитой. Я вручил одну Везуле и тот начал резать. - Он придет.

- Лучше бы ему прийти, - сказал Тарригата. - Смерть и отсутствие шоу... я разорюсь!

- Разве здесь кто-нибудь из нас заметит разницу? - пробормотал я, глядя, как Тарригата взбирается по ступенькам в свое жилье.

Везула работал. Он уже срезал доспех Кабе, одежду и теперь отбирал органы. Мы были упырями - те, кто остался. Наше продолжающееся существование зависело от смертей и успешного присваивания частей бывших братьев по оружию.

Помимо того, что Тарригата был нашим господином, он обладал инструментами и знаниями по трансплантации этих органов. По крайней мере, с этой точки зрения отношения были взаимозависимыми.

Размышляя над тем, во что мы все превратились, я посмотрел через рваную прореху в навесе. Желтое облако накрывало грязным покровом все вокруг, но под ним я увидел спиральные ярусы Утробы, от самого надулья до этого низшего уровня. Если Утроба была колодцем, ведущим с верхней Терры, тогда Полоса была миазмами на самом его дне.

Факторумы, очистительные заводы и патронные склады цеплялись за кольца Утробы, подобно болезненным моллюскам, присосавшимся к глотке глубоководного левиафана. Время от времени одно из этих сооружений падало, подбрасывая нам обломки, и таким образом лачуги медленно разрастались, колонизируя впадину, словно гнилостный нарост.

Отсюда Терра выглядела совсем иначе.

- Я все так же грежу о славе, Дан, - сказал Везула. Его голос вернул меня в настоящее. Я испугался, что он снова отключится, но у него были ясные глаза, когда он разделявал Кабе. В бесполезных потрохах находились механические детали и блестящие органы. Работа, даже такая кровавая, помогала ему

сосредоточиться.

Он остановился, с лезвия ножа стекала кровь, а руки были по локоть в ней.

- Иногда сложно понять, где я нахожусь - там или в настоящем.

- Понимаю, - сказал я тихо. - Даже слишком хорошо.

Глубоко внутри, я знаю. В своей голове, в своем изъеденном раком нутре, я знаю.

- Я знаю, что старые дни прошли, - сказал Везула. - Дни бури, Единства. То были кровавые времена, времена смерти, войны и завоеваний. Империи склонялись перед Ним, склонялись перед нами... - он замолчал, костяшки пальцев побелели, когда он сжал рукоять пилы, но не делая разрез. - Я скучаю по ним.

- Как и я, Вез. Но мы не те, что прежде. Мы прожили слишком долго. Просто кое-кто из нас слишком упрям, чтобы сдохнуть.

Я взял механические детали старой кибернетики Кабе и начал отмывать их при помощи старого ручного насоса. Жидкость не подходила для питья и раздражала кожу, но отлично подходила для смывания крови. Органы отправились в большую аптекарскую склянку, где хранились в вязком растворе из формальдегида, глютаральдегида и метанола. Этому я научился у Тарригаты.

- Можешь их забрать, - сказал Везула. - С сожжением я справлюсь сам.

Печь находилась за домом Тарригаты. Последнее пристанище Кабе.

Я кивнул, подняв склянку, а затем спросил:

- Ты в себе, брат?

- Да.

- А если уже не вернешься?

Везула взглянул на меня. Он смотрел твердо, но смиренно.

- Тогда даруй мне почетную смерть.

- Почетную смерть, - ответил я и направился к жилью Тарригаты.

Внутри хибары понадобилось немного времени, чтобы привыкнуть к темноте. Она была тесной, а потолок таким низким, что мне пришлось пригнуться. Тарригата был скопидомом. Здесь были полки с механическими деталями от старых гладиаторов и банки с солеными жидкостями, заполненные медленно атрофирующимися органами. Он хранил все, вне зависимости от пользы. Я нашел старика на потрепанном пластиковом кресле, с хмурым видом склонившимся над счетным устройством.

- Радик Клев потребует компенсации за свою потерю, - сказал он мне и откинулся назад, чтобы сделать затяжку кисеру. Из длинной трубки поднялся шлейф дыма, а в чаше ярко вспыхнули волосы. - В свою очередь, этот долг перейдет к тебе.

- Извини, господин, - сказал я, поставив аптекарскую склянку на свободное место.

- Ты убил его бойца, так что вот так, - добавил Тарригата, - и ты незаконно вмешался в схватку Кабе. За

это я тоже должен заплатить.

- Еще раз приношу извинение.

- Извинения не платят за долги! - резко ответил он, и его тел сотряс приступ кашля.

Я собрался помочь, но Тарригата отмахнулся дрожащей рукой. Когда приступ закончился, он вытер рот рукавом, после чего сделал долгую затяжку кисеру.

- Я возьму убытки, - сказал я.

Тарригата медленно кивнул.

- Да, ты возместишь. Отправляйся в Полосу. Найди Гайрока. Приведи его или запасы органов уменьшатся.

Вот на что мы должны идти ради выживания.

- Даю тебе слово, господин, - сказал я и, поклонившись, направился к выходу.

- Меня не волнует ни твое слово, ни твоя честь, Херук. Просто приведи его. Да побыстрее.

Корабль завис над слоем смога. Его гладкие обводы сияли золотом в свете надулья. Гравитранспорт «Коронус». Он прилетел из башни Гегемона по специальному заданию, назначенному лично Валдором.

В темном отсеке сидел одинокий воин, наедине со своими мыслями вплоть до этого момента, держа золотой боевой шлем обеими руками.

- Мы сражались за Терру со времен Нас'сау, - произнес голос по вокс-каналу воина. Впервые за несколько часов.

Воин поднял зеленые глаза, живые и яркие, как изумруд. Двери отсека начали открываться, впуская свет и воздух.

- Ты знаешь, что нужно сделать? - спросил голос.

Воин кивнул.

- Задание предельно понятно.

- Найди их, Тагиомалхиан.

Воин надел шлем, и на ретинальном дисплее вспыхнул поток данных систем доспеха.

Кустодий встал, закрепив клинок стража и штормовой щит. Затем примагнитил к аурамитовому доспеху трос из моноволокна. Он тянулся к длинной катушке, привинченной к отсеку. Тагиомалхиан подошел к открытому люку, раскручивая трос на ходу. Плащ затрепетал под порывами ветра. Воин присел на край и посмотрел на слой смога. Глаза за линзами шлема прищурились.

- Найду, - прошептал он, прежде чем шагнуть в забвение.

Абиссна горела. Я не видел этого из-за дыма, но ощущал запах пожара и слышал его. Плающая плоть находящихся внутри солдат, треск камней в обжигаемых пеклом стенах, пронзительные вопли. Пришло Единство.

Густой пепел носился по разросшимся со смертью принца полям смерти за пределами огромной крепости. Их вылазка с целью прорыва наших линий и выхода к осадным орудиям провалилась. Артиллеристы Имперской Армии, которых я тоже не вижу, поддерживали неослабевающий обстрел. Такая неистовая музыка. Мое сердце бьется в такт с ней, воспаряя от ее громоподобной мелодии.

Мы давили и давили сильно. Солнце Африка пылало. Я изнемогал в своей тяжелой броне, а от исходящего от кожи жара начал запотевать визор. Везула стоял рядом, призывая к атаке и возбуждая еще большую ярость в Громовом Легионе. Жар усилился.

Мы бежали, оставив позади наши гравимашины, болтеры перегревались от непрекращающейся стрельбы.

Пуля ударила в мой наплечник, пробила его и впилась в кожу. Я зарычал, используя гнев, чтобы подавить боль, и посмотрел на Знамя Молнии. На расстоянии только его я видел сквозь дым.

Где-то рядом с ним сражался Император. Даже Его отдаленное и невидимое присутствие придавало мне сил. На несколько секунд дым истончился и среди серого мелькнул золотой проблеск.

- Там, - раздался за спиной голос Гайрока, и я почувствовал, как рука в перчатке мягким прикосновением направила меня. - Кустодии... Львы под маской людей.

- Так говорят.

- Покажем им, как сражается Громовой Легион? - спросил он, и я обернулся, чтобы увидеть его широкую ухмылку.

Дым снова поглотил их, не дав мне времени восхититься их смертоносным мастерством.

- Конечно, брат!

Гайрок громко и самоуверенно рассмеялся, не обращая внимания на пули, летящие в нас сквозь дым. Мой товарищ указал на серую громаду.

- Тогда, вот твой шанс!

Низкий раскатистый удар возвестил о падении северной башни.

- Вонзим же гладий прямо в глотку полоумного князя, а, Дан?

Затем Везула отдал новый приказ об атаке, и мы бросились вперед всей когортой.

- Ты хотя бы его имя знаешь, Гайрок? - спросил я.

Он покачал головой.

- Так много ничтожных баронов, олигархов и полководцев, какая разница? Все падут на колени и примут Единство или же умрут. А сейчас покажем им как.

Северная башня упала с медленной неотвратимо грацией. Она прошла сквозь дым, словно меч, с каждым метром все больше крошась и осыпаясь. Когда башня, наконец, рухнула на землю, удар сотряс

поле битвы, словно землетрясение. Во все стороны разошлись огромные клубы дыма, а за ними показались враги.

В пропитанных потом серых мундирах под медными нагрудниками и остроконечных шлемах, они, несмотря на перепуганные бледные лица, держались твердо. Солдаты построились шеренгами и тщательно целились.

Из бреши в стене Абиссны бил спорадический стрелковый огонь. В основном карабины и странная энергетическая пушка. Наша когорта наступала с поднятыми щитами.

- Да начнется жатва! - проревел Гайрок и я почувствовал, как его боевой пыл заразил меня.

Я бросился через брешь в стене, перепрыгивая через камни и заваленных ими раненых, и взялся за тех, кто еще мог сражаться.

Заревев, я отсекаю стрелку голову. Мельком увидел Гайрока, который крикнул мне: «В проломе африкское солнце жарит сильнее, а, Дан!» Его клинок был самым красным из всех. Наша атака опустошила защитников. Их ряды дрогнули, а потом рассыпались. А затем я услышал вопли Везулы. Горны ревели. Победа была близка, но кровопролитие закончится не скоро. Я убил двоих одним ударом, нанизав обоих на свой меч, но они потянули мою руку вниз, и я получил скользкий удар в голову. Шлем треснул. Он спас мне жизнь, но из-за головокружения я опустился на колени. Сплюнул кровь, подавляя боль и тошноту, и поднял глаза...

Я оказался в «Бункере», а надо мной стоял дюжий воин, наполовину облаченный в броню. Солнце Африка исчезло, а вместо него оказалась грязь кабака нижней Полосы. У воина было грубое лицо, бритый покрытый шрамами череп, а в руке - металлический крюк, который выглядел импровизированным оружием.

Силовая броня, которую он когда-то носил, исчезла, а ее место заняла кожаная кольчуга

- Гайрок... - промямлил я, пытаюсь собрать воедино фрагменты того, что произошло между прощанием с Тарригатой и этим моментом.

Вместо того, чтобы сразить меня, Гайрок протянул руку. В мерцающем свете люмена его кожа отливала красным.

- Вставай, брат, - сказал он. Его лицо было забрызгано кровью. Вены на шее вздулись, а дыхание было лихорадочным. Ухмылка, рассекавшая белым полумесяцем его лицо, казалась натянутой. Болезненной.

- Гайрок, - повторил я, вставая и оглядываясь. Нас окружали мертвецы, выпотрошенные и разорванные на куски. Все они были жалкими завсегдатаями «Бункера». Приторно-сладкий запах алкоголя смешался с медной вонью крови. Пол бара блестел ею.

- Это ты... это ты сделал, Гайрок? - спросил я, почувствовав успокаивающее прикосновение рукояти короткого клинка, когда обнажил его.

Гайрок мигнул, раз, другой. Его глаза налились кровью. Кожу покрывал пот. В свете люмена она почти блестела. Усмешка сменилась хмурым взглядом, бешеный зверь старался осознать свое безумие. Как близко я подошел к подобной участи? Сжимавшая крюк рука напряглась, и я почувствовал, как так же отреагировало мое тело.

Он был энергичным, рассудительным и целеустремленным. Я не узнавал стоявшего передо мной

человека.

- Где ты, Гайрок? - спросил я, пытаюсь не обращать внимания на кровь.

Я никогда не видел его настолько слабым. Гайрок удержал пролом в Абиссне. Сражался в сибирской тундре под атомной бомбежкой.

- В проломе африкское солнце жарит сильнее, Дан, - сказал брат, но он был отрешенным, а его слова - бледным отголоском тех, что он говорил мне много лет назад.

- Это не Абиссна, брат. Гайрок... где ты? Попробуй вспомнить.

Он задумался, растерянно рассматривая мертвых. Никто не ответил.

- Сибирь... Нет...

Он прижал руку к голове, словно пытаюсь удержать в ней истерзанный рассудок, пока его слова не превратились в непонятную кашу.

Затем он двинулся на меня с крюком в руке, безумным взглядом и пеной на губах.

- Единство! - едва членораздельно выкрикнул Гайрок. Этот отчаянный стон едва напоминал прежний триумфальный крик.

Я заблокировал рукой удар сверху, несмотря на свирепую силу Гайрока. Другой рукой я вонзил свой клинок глубоко в грудь брата. Поначалу он боролся, безумие придавало ему силы, пока я загонял меч все глубже в тело, а кровь и внутренности стекали на грязный пол. Гайрок обмяк, и я подхватил его тело, не дав упасть.

Когда он оказался среди изуродованных трупов его безумия, я мягко извлек из тела брата меч.

На губах Гайрока пузырилась кровавая пена. Это напомнило мне о Кабе.

Гайрок снова мигнул, и в его глазах появилась определенная ясность сознания.

- Мы... не должны были... остаться в живых.

Я держал его, пока все не закончилось. На его татуировке Легиона была кровь, и я стер ее, после чего уже не мог сохранять самообладание.

Я знал Кабе, я сражался вместе с ним в качестве брата меча, но Гайрок был моим другом. Я оплакивал его, нашедшего смерть в каком-то грязном баре Полосы.

- Куда подевалась наша честь? - спросил я у темноты, но мне ответила только тишина.

Я вспомнил собственные слова.

Мы прожили слишком долго.

Я поднялся, раздавленный скорбью, и взвалил Гайрока на спину. Я не оставлю его здесь, не в таком виде. С нами что-то было не так. И надеялся, Тарригата знал, что делать.

Тагиомалхиан спустился сквозь облако смога. Трос из моноволокна держал его крепко, достаточно

тонкий, чтобы быть невидимым для невооруженного глаза, достаточно прочный, чтобы удерживать вес, многократно превышающий массу кустодия.

Накинутый на доспех плащ-обманка делал Тагиомалхиана невидимым.

На ретинальном дисплее шел обратный отсчет. Когда счетчик дошел до пятнадцати метров, кустодий расцепил магнитный зажим и остальной путь до земли проделал в свободном падении. Крошечный гравитационный импульс, встроенный в его доспех, смягчил падение, и приземлившийся Тагиомалхиан выпрямился, окинув взглядом огромный квартал трущоб.

- Посадка совершенна. Я не обнаружен, - сказал он. Звук его голоса заглушили встроенные в антенну шлема внешние нейтрализаторы.

Ему ответил тот же голос с «Коронуса» и все так же замаскированный. Только Тагиомалхиан мог слышать его.

- Местонахождение цели установлено, - сказал он по воксу. На местность, которую Тагиомалхиан видел через ретинальные линзы, наложилась гололитическая схема. - Твоя добыча в Полосе.

- Статус.

- Неизвестен.

- Срок?

- Сколько необходимо для обнаружения.

- Убить или пленить?

- Убить. И уничтожить все следы.

- Подтверждено. Запрошенные данные загружаются.

Это заняло несколько секунд. На гололитическом изображении загорелся маячок.

- Глубже, чем я думал, - пробормотал Тагиомалхиан, не желая, чтобы его услышали, но глушитель также переключил вокс-аудио на собеседника.

- Это настоящий лабиринт, Тагиомалхиан, и внутри притаились крысы.

- Тогда мне лучше начать копать.

Сборщики отходов занимались химическим варевом, застывающим на краю Полосы. Они захватывали утильсырье крюками и тащили его сетями. Курящие окурки, выкашливающие свои изъеденные раком легкие, медленно умирающие от токсинов в крови люди не обратили никакого внимания на шагающего среди них золотого воина. Они даже не моргнули.

Гайрок был тяжелой ношей, и у меня ушло несколько часов, чтобы добраться до арены. Когда я оказался поблизости, то увидел дым. Жилище Тарригаты горело. Опустив тело Гайрока, я обнажил меч и побежал. Я подумал, что это могло быть работой Радика Клева, возмездием за то, что я сделал с его хроногладиятором. Оказавшись в квартале, я понял, что дело не в мести. Здесь царило безумие. Я нашел мертвых. Выпотрошенные, обезглавленные и изуродованные тела устлали землю, как будто поработал

мясник.

В висках начало расти давление, и я прижал руку к голове, чтобы сдержать его. Боль, подобная прыжку в бездонный океан, грозила свалить меня с ног, но я сопротивлялся. Я чувствовал запах дыма, из лачуги Тарригаты, из Абиссны и изо всех сил старался понять, что реально, а что – нет.

Холод кольнул мое лицо, но я знал, что воздух в Полосе был душным. Я вспомнил сибирскую тундру и не решился поднять голову из-за страха, что снова увижу падающие атомные бомбы. Затем я оказался у Арарата и заревел вместе с Ариком Тираннисом, когда он поднял Знамя Молнии.

А потом Хай Бразил, и Урш, и Альбия.

В голове стучало. Грезы о Единстве не проходили, и я был бессилен управлять ими.

В конце концов, я сосредоточился на мече, и прижал его к телу, думая о его цельности, его постоянстве, его реальности.

Я вынырнул из видений, весь вспотевший и горящий от жара. Я стоял на коленях, передо мной была лужа рвоты. Я сплюнул, чтобы избавиться от ее привкуса, и поспешил к жилью Тарригаты. Когда я выбил дверь, в меня ударили жар и дым. Во время безумного бега среди лачуг я не видел Везулы и гадал, найду ли его здесь, такого же обезумевшего от крови, как Гайрок. Я бросился внутрь, задержав дыхание и прикрыв лицо рукой.

Несколько полок рухнули, как от жара, так и в результате борьбы, которая предшествовала этому бедламу. Я отбросил одну, перепрыгнул через другую, прежде чем нашел Тарригату, лежащего на боку и задыхающегося из-за отравления дымом.

При моем приближении он повернул голову. Страх исказил его лицо. Он жалобно закричал, когда я бросился к нему и поднял его хрупкое тело. Тонкие пальцы царапали мою кожу, как иглы. Он боролся, но с силой ослабевшего ребенка.

- Успокойся, – предупредил я его, – или мы оба умрем в этой дерьмовой дыре.

Его сопротивление ослабло, или от звука моего голоса или же он израсходовал все силы. Огонь усиливался, охватывая стены и потолок. Он растекался словно лава, пожирая все, к чему прикасался. Я услышал звук бьющегося стекла и догадался, что склянки постепенно взрываются от перегрева. Химические смеси в них действовали в качестве катализатора.

Прижав Тарригату к себе, я бросился в заднюю часть хибары и, выбив дверь, выбрался наружу. Мы едва прошли пару метров, когда старая лачуга и печь взорвались, выбросив столб пылающих обломков и дыма.

Толпа не собралась. Все были мертвы, либо же попрыгались.

Я отнес Тарригату и положил на старое потертое кресло. Подлокотников не было, а под отслоившимися лоскутами синтетической кожи была видна заплесневевшая губка. Дыхание старика было хриплым, а кожа настолько бледной, что я понял: он долго не протянет.

- Где Везула? – решительно спросил я его.

Голова старика наклонилась вбок, и я, мягко взяв его за подбородок, повернул лицом к себе.

- Тарригата, ты умираешь. Мне жаль. Но мне нужно знать.

Вдруг им овладела неожиданная срочность, и он дернулся ко мне, что-то бормоча, но поначалу слова невозможно было разобрать. Я наклонился, чтобы старик смог прошептать свою правду мне на ухо.

- Он... он идет.

Затем он откинулся назад и обмяк, словно легкое, из которого выпустили весь воздух. Больше Тарригата не пошевелился.

- Нет. Вез исчез.

Я опустил взгляд и увидел, что старик вложил мне в руки радиационный пистолет. Я не знал, имел ли он в виду использовать его на себе или же Везуле, но взял его и вложил в пустую кобуру, висевшую на оружейном ремне.

Я оторвал полоску ткани из-под брони и обмотал ее вокруг невидящих глаз Тарригаты. Завязав узел, я глубоко вдохнул и положил руку на лоб старика.

- Старый ублюдок, ты что, пытался остановить его?

Поднявшись, я взглянул на иссохшее тело Тарригаты. Смерть сделал его меньше.

- Теперь это мое бремя. Я остановлю его и покончу с этим.

Тагиомалхиан промчался невидимым по узким переулкам и туннелям Полосы. Он двигался быстро, маячок на ретинальных линзах с каждой секундой светился все ближе. Вдалеке поднимался в небо столб черного дыма, отбрасывая траурный покров.

Кустодий нашел первый настоящий след своей добычи в кабаке, который превратили в склеп. В нос ударил пьянящий смрад низкосортного спирта и остывших внутренностей. Он не обратил на них внимания. Будучи эфором, он был обучен искать улики. Тагиомалхиан почувствовал кровь трансчеловека, затем включил внутренний вокс.

- Возможно, легионеры, - доложил он, - из числа тех, кто избежал чистки.

- Будь осторожен.

Тагиомалхиан кивнул самому себе. Он опустился на колени, чтобы перевернуть одно из разорванных тел. Его внимание привлекли порезы.

- Интересно...

Это выглядело как ожог в форме...

Непроходящее чувство неправильности заставило кустодия обернуться. Он едва коснулся своего меча, когда его сбили с ног.

Я пошел по оставленному Везулой следу. Это было не сложно, и я задумался, что если какой-то частью своего все еще ясного разума он хотел, чтобы я нашел его. Чтобы покончил с ним. Я надеялся, что смогу

избежать безумия, которое свело с ума Гайрока и вот теперь и Везулу.

Я думал о Тарригате, старике, который едва не задохнулся, спасая свою жизнь. Я не мог смириться с тем, что за это в ответе был Везула. Даже во время частых помутнений рассудка Везула не поднял бы руки на старика. Но, возможно, он не знал. Я ощущал свои грезы. Они были живыми и убедительными. Жажда прошлой славы эффективно ослепляла.

Я бежал по Полосе под испуганные взгляды ее обитателей. Здесь влачило существование всякое отребье, которое хотело остаться наедине со своей нищетой и убогостью. Некоторые размахивали оружием, готовые защищать свои жалкие жизни, но их угрозы были пустыми. Другие прятались в своих лачугах, затаившись и закрыв глаза, словно ожидая, когда пройдет буря.

В древней части квартала я нашел знак Легиона, вырезанный на каменной лестнице. Старый разряд молнии привел меня в катакомбы. Я знал это место. Оно называлось Потоп, самая глубокая часть Полосы. К сводчатому потолку поднимались древние колонны с полосами грязи. Когда-то он был прекрасен, но, как и в случае со многими вещами, время похитило его красоту. Части Потопа рухнули, сдавшись суммарному весу верхних уровней. Я перелез через груды мусора, напоминавшую содержимое распоровшегося огромного мешка, которое высыпалось на автомагистраль. Я редко приходил сюда. У меня не было на то причины, но меня интересовало, какой она могла быть у Везулы.

- Это наше последнее поле битвы, брат? - спросил я у темноты и удивился, когда та ответила.

- Я уже бился в моей последней битве, Дан.

Я нашел его прислонившимся к изогнутой стене катакомб. Он прижимал руку к животу. Между дрожащими пальцами Везулы блестело что-то влажное и темное. Рядом с ним лежал его сломанный топор. Лезвие было разъедено пополам кислотой.

- Вез... - я опустился на колени рядом с ним. В мерцающем свечении фосфорных ламп он выглядел умирающим.

- У тебя есть оружие? - прохрипел он.

Я нахмурился, собираясь указать на обнаженный меч и висящий за спиной широкий клинок, но тут понял, что Везула слеп. Его глаза застлал молочный блеск, а вокруг глазниц и на лице были ожоги.

- Кислота... - произнес он, правильно поняв причину моего молчания. - Забыл, что они способны на это.

Он рассмеялся, но это стоило ему усилий.

- Он дал им все дары, не так ли. А нас оставил гнить. - Он на ощупь нашел мою руку и сжал ее. - Мы не должны были так долго прожить.

Я повернул его голову на свет, пытаясь изучить мертвенно-бледные раны на его лице. Он сопротивлялся, словно стыдясь своего состояния.

- Рана в животе смертельна, - прошипел он и стиснул зубы от резкой вспышки боли.

- Кто это сделал? - спросил я и отпустил его. Я взгляделся в темноту, но не нашел там притаившихся врагов.

- Они среди нас, Дан, - сказал Везула. - Прячутся в Полосе. Я сражался с ними. Они сбежали и привели

меня сюда. Оставили умирать. - Он поморщился, и я почувствовал, что смертная нить Везулы натянулась.

- Кто, брат? Кто прячется от нас?

- Знак, кроваво-красный, как факел... - Он указал окровавленным пальцем на свою левую щеку. - Они назвали его имя. Сказали...

Я схватил его за горжет и повернул к себе.

- Скажи мне, брат! Дай отомстить за тебя.

- Сказали... он идет.

Везула испустил долгий дрожащий выдох, и все закончилось.

Я ошибался. Это не Везула вырезал поселок и оставил Тарригату умирать. Но кто-то другой.

Склонив голову, я закрыл глаза и почувствовал прижатую к ноге рукоятку радиационного пистолета. Я подумал вытянуть его. Пальцы сомкнулись на рукояти. Один выстрел, если он все еще может стрелять. Левый висок.

Я открыл глаза и выпустил пистолет.

- За Единство... - пробормотал я и положил кольцо Легиона на колени Везулы.

- Враг внутри.

Знак, имя. Об этом сказал Везула. Я слышал истории, в основном от Тарригаты. Война идет. Кто-то говорил, что она уже пришла, что среди нас предатели.

Я услышал тихий лязг стали и поднял голову.

Я поднялся и побежал по катакомбам на звуки битвы.

Тагиомалхиан, хромая, шел по катакомбам, не обращая внимания на боль под треснутым аурамитовым доспехом. Разорванная обманка осталась где-то позади. Плащ оказался неэффективным против его добычи, которая учуяла кустодия необычным способом. Ее кровь, или то, что считалось кровью, запятнала лезвие клинка стража. Оружие в руке давило тяжестью. Как и щит на спине, и Тагиомалхиан знал, что тварь ранила его. Но и он ее.

- Отметь мою позицию, - передал он по воксу.

- Судя по голосу, ты ранен.

Тагиомалхиан заскрипел зубами.

- Отметь.

Короткая пауза подсказала о еще одном входящем запросе, но он так и не последовал. Вместо этого, последовал другой вопрос.

- Ты близко, Тагиомалхиан?

- Да.

- Это они?

Немногие знали о нападении Альфа-Легиона на Тронный мир. В итоге его отразили, а непосредственную угрозу нейтрализовали. Но остались проблемы. «Инциденты». Один из них - на контрольном пункте «Скорбный предел» - подавили с трудом. В жилые районы просочились слухи. Терру охватило безумие. Приближался магистр войны. Среди населения появились его сторонники. Культы. Был отдан приказ на зачистку, очищение огнем перед лицом надвигающейся порчи.

Предвестники этой порчи стояли перед Тагиомалхианом.

- Это они, - ответил он и отключил вокс.

Тагиомалхиан вышел на мерцающий свет подземного зала. Сюда его привели туннели. Даже через доспех он почувствовал прикосновение ледяного холода. Время и вымысел скрыли первоначальное предназначение зала. Возможно, это была старая купальня, все еще были видны ее проржавевшие и только частично целые медные трубы. Две ручные помпы в форме пастей геральдических грифонов питали глубокий бассейн, но они уже обветшали. Отслаивающаяся филигрань говорила о мифических морских зверях, но эти художественные образы были искажены.

Теперь в этом месте стояло нечто более древнее и первобытное. В железных канделябрах ярко горели факелы, испуская приторный запах протухшего мяса и скисшего молока. Заиндевшая не водяная, но кровавая пена обрамляла край бассейна в том месте, где был грубо начертан смолистой черной субстанцией символ. Оплывшие свечи напоминали разросшиеся сорняки. Их восковые стволы источали смрад животного жира.

Тагиомалхиан поднял меч. От золоченых завитков и витиеватой гравировки отразился свет. По лезвию пробежалась, потрескивая, энергия.

Короткий ряд ступеней вел к помосту купальни. По грязному камню стекали темные полосы. Тагиомалхиан знал, что он будет ждать его здесь. С тех пор, как отведал крови кустодия. С бронированных плеч свисал черный изорванный плащ, прикрывая чешуйчатый боевой доспех цвета забытых морей. Странные органические шипы пронизывали холстяную мантию. Он не нуждался в оружии. Его пальцы заканчивались длинными когтями, попробовавшими вкус крови кустодия. Когда-то он был легионером, но сейчас в этой смертной плоти обитало что-то еще.

- Скверна, - заявил Тагиомалхиан, неторопливо поднимаясь по ступеням и сохраняя такое спокойствие, словно высказался о погоде. Его взгляд не отрывался от легионера, но он также видел людей в мантиях подле врага. Восемь мужчин и женщин, лица которых скрывали капюшоны. Они стояли над несколькими телами в бассейне. Частично свернувшаяся кровь покрыла изморозью решетку стока, впиваясь в металл и затемняя по краям ржавчину.

У каждого из смертных на щеке было клеймо гидры, как и у мертвых. Добровольные жертвы. Каждая метка по виду была нанесена недавно, как и та, которую Тагиомалхиан видел в кабаке перед тем, как на него напали.

Смолой был очерчен ритуальный круг. В жертву должны были принести кустодия. В его жилах текла кровь Императора, могущественная и сверхъестественная. Для этих порочных существ и той твари, которой они служил, это имело значение.

Из числа культистов вперед шагнула проповедница.

- Он идет, - произнесла женщина без всякого энтузиазма, словно сообщая обычный факт.

- Луперкаль, - ответили остальные.

- Луперкаль, - хором повторили культисты.

- Луперкаль, - отозвался легионер двумя голосами противоположных регистров. Затем он прыгнул на Тагиомалхиана.

Я услышал треск металла о камень, звук закованного в броню тела, атакованного чем-то более тяжелым и крупным. Мерцающий свет факела манил к концу туннеля, намекая на наличие большого зала.

Я снова почувствовал запах тундры и услышал ветер. Приходилось изо всех бороться с подступавшими старыми грезами. Что бы ни находилось в Полосе, что бы ни убило Везулу и ни стало причиной смерти Тарригаты, оно было здесь. Только я мог взять плату за этот долг и отомстить за смерть.

Я бежал, а по бедру стучал радиационный пистолет. Широкий клинок налился свинцом в руке, старые мышцы протестовали даже перед этой последней битвой. Я проигнорировал боль и активировал расщепляющее поле. Оно вспыхнуло и тут же погасло. Я на бегу попробовал снова, перед тем выскочить через арку на свет. Оно мигнуло и заработало. По лезвию пробежался актиноческий треск, и я почувствовал его привкус во рту, как будто к моему языку подвели электрический ток.

Я миновал границу света и увидел лежащего на спине золотого воина. Немыслимая тварь кромсала его длинными как ножи когтями. Я знал этого воина, пусть и не по имени. Кустодий Императора. Я сражался бок о бок с ними во время войн за Единство.

Он повернул голову в мою сторону, ожидая еще одного врага, но бессильный что-либо сделать, если бы казался прав. Лицевая пластина шлема скрывала выражение лица, но его бедственное положение было более чем очевидным. Раздирающая кустодия тварь - наполовину легионер, наполовину мутант - вообще не обратила на меня внимания.

Зато обратили восемь фигур, стоявшие над противниками на окровавленном помосте. Они одновременно повернулись и вынули из-под одежды длинные изогнутые клинки. Культисты.

«Тарригата, старый ты ублюдок. Ты все-таки был прав...»

Эти безумцы с воем накинлись на меня.

Я выпотрошил первого, пронзив его острием меча. Расщепляющее поле разорвало тело на куски. Кожа, кости и органы испарились. Похоже, другие не испугались, несмотря на брызги крови. Когда я отсек руку следующему, то почувствовал, как в мой бицепс вонзился клинок. Он вошел глубоко, и я сдержал болезненный рык. Арена научила меня никогда не показывать слабость. Следующий клинок впился в спину. Теперь я взревел. Они окружили меня. Я почувствовал, как в разум проникают грезы о Единстве. Если я поддамся им, то погибну, а вместе со мной и кустодий, который продолжал слабо отбиваться. Зверь терзал его, словно добычу, которую приволок с охоты. Еще несколько минут и все будет кончено.

Я отмахнулся и почувствовал плотный удар и резкий треск кости, когда один из культистов отлетел, словно сломанное древко копья, и упал вне зоны видимости. Держа свой широкий клинок одной рукой, я

обнажил короткий меч и пригвоздил еще одного врага к земле. Несмотря на свою одержимость, это ничтожество начало вопить.

Следующим я прикончил частично искалеченную культистку, моя голова расколола ее череп словно яйцо. Бешеный удар широкого меча принес смерть еще одному, его кишки вывалились на землю. За вычетом того, что я пронзил мгновением раньше, осталось на ногах всего двое.

Первый бросился на меня, размахивая кривым клинком. Я нанес свирепый удар ногой в тело, достаточно сильный, чтобы пробить грудную клетку и сломать позвоночник. Моя нога вышла из его спины, и я стянул изуродованный труп. Последняя, я решил, что она их главарь, предпочла перерезать себе горло, нежели сразиться со мной. Ее тело свалилось с помоста в пустой бассейн к другим трупам.

Вот теперь тварь повернулась, и в ее взгляде я увидел нечто бездонное и злобное. И я знал своим нутром, что это не зверь. По крайней мере, не естественный. Я верил всем тем историям, что слышал: о приближающейся к Терре тьме, о соглашениях, заключенных с существами, старше самого Империиума.

Зло было среди нас, бросая вызов закону Императора. А я служил Императору. Всегда служил. И всегда буду. Это моя клятва. Это гром и молния.

Он отшвырнул кустодия, словно жесткое мясо, которому предпочли более сладкое убийство. Я взмахнул мечом и проревел:

- За Единство!

Мы бросились друг на друга, человек против зверя.

Он ударил словно танк, сбив меня с ног. Мой меч едва оставил борозду на доспехе, который напоминал паучий панцирь, только во много раз прочнее.

Я шатался, меч весил как надгробная плита, в голове стучало.

Сибирская тундра...

Из Абиссны тянется дым...

Отделавшись от грез, я едва парировал рубящий удар когтя. Тварь обладала непомерной силой, отражение удара едва не выбило мне плечо, но ее присутствие ощущалось... неправильным. Меня начал изнурять более сильный недуг, больше чем просто физическая боль. Древние голоса мертвых, видения еще не наступившей резни. Моя собственная бесславная смерть, принесенная в жертву какой-то сущности извне...

Я закричал и понял, что когти твари рвут мою плоть, Я взмахнул мечом, отрубив руку или коготь. Отросток упал на землю, перевернулся и удрал, словно паук, в тени.

Я едва ли видел подобные ужасы.

Я отступал и знал, что умираю. Не из-за истощения рук, ног и разума, но от раны, которую нанес враг. Я чувствовал это. Я *знал*.

У меня едва остались силы, чтобы поднимать меч. Я выронил второй клинок. Он отлетел в те же тени, где спряталась паучья рука.

Я неистово рубил, пытаюсь удержать тварь на расстоянии. Она смеялась в ответ на мои усилия, от этого

нечеловеческого звука волосы на загривке встали дыбом. Потом я опустил руку, не уверен умышленно или инстинктивно, и почувствовал рукоятку радиационного пистолета. Знак Единства прижался к ладони, когда я вырвал оружие из кобуры, не зная даже, выстрелит ли оно.

Я нажал на спусковой крючок.

Сфокусированный импульс мощного излучения ударил в тело зверя. Его смертная оболочка вздрогнула. Он тут же ослаб и осел. В тот же миг я вложил каждую частичку своих сил во взмах клинка и рубанул через плечо, тело, шею. Он должен был умереть, но вместо этого он завыл и пошатнулся. От его жалобного вопля меня бросило в дрожь.

Затем я упал, не в состоянии больше стоять, и почувствовал глубину своей неудачи.

- За Единство, - выплюнул я кровавую слюну.

- За Единство, - повторил кустодий, поднявшись позади твари. Его огромный золотой клинок разрубил голову зверя пополам.

Второй выпад этого безупречного меча вонзился туда, где должно было находиться сердце. Зверь повалился на землю. Из ротовой решетки раздался визг - отвратительный нечеловеческий звук. Из сочленений доспеха поднялся смолистый дым, как от задутой свечи.

- Оно мертво? - спросил я, опустившись на колени и навалившись на навершие своего меча.

Кустодий посмотрел на меня, и по настороженному взгляду я почувствовал, как он обдумывает свое решение. Наконец, он кивнул.

- В некотором смысле, да. Благодарю тебя...

- Херук, - сказал я, угадав в паузе приглашение назвать себя, - Дарен Херук.

- Громовой Легион?

Настал мой черед кивать.

- Думал, вы все мертвы.

- Так и есть. Почти.

- Тагиомалхиан. Я в долгу перед тобой, Дарен Херук. Терра в долгу.

- Тогда я прошу тебя об одной услуге, - сказал я, подняв руку, чтобы не дать Тагиомалхиану вложить в ножны свой меч.

Он взглянул на меня. Его бесстрастная маска была такой же непроницаемой, как лик статуи, но затем я увидел легкий кивок.

Когда вокруг меня сомкнулась хватка смерти, вернулись грезы. Сначала я почувствовал запах и вкус, а затем, когда Знамя Молнии подняли к небесам, я расслышал победные возгласы. Я стоял на склоне горы Арарат вместе с Кабе, Гайроком и Везулой.

Реальность растворялась, хотя я услышал тихий лязг доспеха Тагиомалхиана, когда он подошел и встал позади меня, и шелест поднятого им клинка.

- Даруй мне почетную смерть, - сказал я, и возгласы стали громче.

Единство! Единство! Единство!

По лицу потекли слезы радости, я закрыл глаза и прошептал:

- За Единство...

И услышал свист клинка.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Грезы_о_Единстве_/_Dreams_of_Unity_\(рассказ\)&oldid=20373](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Грезы_о_Единстве_/_Dreams_of_Unity_(рассказ)&oldid=20373)

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 июля 2022 в 09:29.